

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

16

В. З. ЛУКАШЕВИЧ

ГАРАНТИИ ПРАВ ОБВИНЯЕМОГО В СТАДИЯХ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ
И ПРЕДАНИЯ СУДУ

Автореферат диссертации,
представленной на соискание ученой степени
доктора юридических наук

ЛЕНИНГРАД
1967

Работа выполнена в Ленинградском государственном университете
имени А. А. Жданова.

Официальные оппоненты:

доктор юридических наук, профессор Д. С. Карев, доктор юридиче-
ских наук, профессор Н. А. Беляев, доктор юридических наук, про-
фессор А. А. Лице.

Ведущее предприятие Харьковский юридический ин-т.

Автореферат разослан „ 25 IX ” 1967.

Защита диссертации состоится „ 26 X ” 1967 г.
на заседании Ученого Совета юридического факультета Ленгосунивер-
ситета им. А. А. Жданова.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке университета, по
адресу ул. Смольного, дом 3.

446.

9460

9460

Программа КПСС не только требует охраны прав граждан, предусмотренных ныне действующим законодательством, но и указывает на тенденции развития прав советских граждан при переходе к коммунизму. Она предусматривает необходимость в период строительства коммунизма — всестороннего «развертывания и совершенствования социалистической демократии», что предполагает дальнейшее расширение прав граждан. Поэтому Программа КПСС подчеркивает: «Переход к коммунизму означает всемерное развитие свободы личности и прав советских граждан. Социализм предоставил и гарантировал трудящимся самые широкие права и свободы. Коммунизм несет трудящимся новые великие права и возможности». Развитие и совершенствование социалистической демократии должно осуществляться во всех областях деятельности государственных органов, в том числе и в деятельности органов дознания, следствия, прокуратуры и суда. Программа КПСС применительно к уголовному судопроизводству специально указывает, что демократические основы правосудия будут развиваться и совершенствоваться. Такая забота со стороны социалистического государства и КПСС об охране прав обвиняемого в советском уголовном процессе объясняется тем, что обвиняемому предоставляются права для защиты его законных интересов в уголовном судопроизводстве.

Под законным интересом обвиняемого в советском уголовном процессе следует понимать: 1) недопустимость привлечения его к уголовной ответственности, предания суду и тем более осуждения за преступление, которое обвиняемый не совершил. Если же в действительности невиновный обвиняемый все-таки был незаконно и необоснованно привлечен к уголовной ответственности, то ему должна быть предоставлена возможность путем осуществления своих прав доказывать незаконность и необоснованность обвинения и добиваться своей полной реабилитации; 2) стремление обвиняемого не быть привлеченным к уголовной ответственности и тем более осужденным за совершение более тяжкого преступления чем то, которое он в действительности совершил; 3) привлечение его к уголовной ответственности только за то преступление, которое он в действительности совершил, все обстоятельства которого установлены в результате все-

стороннего, полного и объективного расследования и судебного разбирательства с учетом всех смягчающих уголовную ответственность обстоятельств; 4) стремление обвиняемого обеспечить охрану личных и имущественных прав в процессе уголовного судопроизводства и не подвергаться мерам принуждения, не вызываемым интересами установления истины и достижения других задач уголовного судопроизводства.

Именно для обеспечения этих законных интересов обвиняемый наделяется процессуальными и иными правами, которые должны строго охранять и надежно обеспечивать органы дознания, следствия, прокуратуры и суда. Так понимаемые законные интересы обвиняемого не только не находятся в противоречии с интересами советского общества и государства в области борьбы с преступностью, а, наоборот, полностью соответствуют этим интересам. Всемирная охрана прав и законных интересов обвиняемого и реальное использование им права на защиту является обязательным условием успешной борьбы с преступностью.

Разнообразные и действенные меры, принятые КПСС и Советским правительством за последние годы, привели к дальнейшему укреплению социалистической законности в нашей стране, к усилению охраны законных интересов и прав советских граждан в уголовном судопроизводстве. Изучение статистических данных о количестве необоснованных арестов, привлечений к уголовной ответственности и осуждений граждан в городе Ленинграде за последние 10 лет, а также изучение архивов всех прекращенных после привлечения в качестве обвиняемого уголовных дел органами прокуратуры 14 районов г. Ленинграда за 1964—1966 гг. и архивов соответствующих районных народных судов Ленинграда за указанные годы позволяет утверждать, что количество таких случаев очень невелико по сравнению с общим количеством законченных расследованием уголовных дел, и хотя и с некоторыми колебаниями в конечном счете неуклонно снижается.

Однако в следственной и судебной практике еще полностью не изжиты случаи необоснованных арестов, неправильных привлечений в качестве обвиняемого и даже осуждения невиновных граждан. Наличие в следственной и судебной практике случаев нарушения законных интересов и прав обвиняемого обуславливает необходимость дальнейшей теоретической разработки проблемы гарантий прав обвиняемого в советском уголовном процессе.

В Постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» (1964 г.) и в Постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных

наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (1967 г.) указывается, что необходимо сосредоточить усилия юридической науки на разработке проблем дальнейшего укрепления социалистической законности и правопорядка, развития социалистической демократии, разработке мер по предотвращению и ликвидации преступности и других правонарушений, усилению охраны социалистической собственности, гарантии неприкосновенности личности, прав и свобод советских граждан, развития демократических основ правосудия, совершенствования деятельности органов прокуратуры, суда и охраны социалистического правопорядка. Следовательно, вопросы обеспечения законных интересов обвиняемого в советском уголовном процессе являются весьма актуальными, а их разработку ЦК КПСС считает одной из важнейших задач юридической науки и в современных условиях.

В социалистическом обществе законные интересы и права граждан обеспечиваются экономическими, политическими, идеологическими, общественными и юридическими гарантиями, которые взаимно дополняют друг друга и действуют в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Однако в настоящей диссертации исследуются только юридические гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. К. Маркс в «Дебатах по поводу закона о краже дров» справедливо заметил, что «законы должны служить гарантиями против личностей» и никто «не должен ставить свою личность выше защищаемого им закона»¹.

В советском уголовном процессе под процессуальными гарантиями прав обвиняемого следует понимать: 1) закрепленные в законе обязанности органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, направленные на охрану законных интересов обвиняемого, а также на разъяснение и обеспечение действительного осуществления последним своих прав; 2) те закрепленные в законе средства, которые дают ему фактическую возможность добиваться восстановления нарушенных законных интересов и прав и ставить вопрос об ответственности должностных лиц; 3) деятельность защитника, который может быть приглашен обвиняемым или назначен следователем или судом и который обязан использовать все указанные в законе средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность и оказывать обвиняемому необходимую юридическую помощь. Так понимаемые процессуальные гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе являются одновременно и процессуальными

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 140.

ми гарантиями правосудия, ибо они обеспечивают охрану только законных интересов обвиняемого.

Процессуальные гарантии прав обвиняемого анализируются на основе изучения и обобщения уголовных дел, прекращенных органами прокуратуры в 14 районах г. Ленинграда после привлечения в качестве обвиняемого за 1964—1966 гг., а также уголовных дел, по которым были вынесены оправдательные приговоры и которые были прекращены в 14 районных народных судах г. Ленинграда и в Ленинградском городском суде за этот же срок.

При написании диссертации были использованы статистические данные по отдельным районам Ленинграда и по Ленинграду в целом, обобщения и обзоры практики прокуратуры Ленинграда, Ленинградской городской коллегии адвокатов, Ленинградской областной коллегии адвокатов и материалы Юридической комиссии СМ РСФСР и статистические данные, опубликованные в печати.

На основе анализа действующего законодательства и практики его применения в диссертации выдвигается ряд предложений по дальнейшему совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, направленных на укрепление социалистической законности, усиление борьбы с преступностью и охрану законных интересов и прав обвиняемого.

В диссертации подчеркивается приоритет теоретических и практических работников, впервые выдвинувших важные теоретические положения, предложения по усовершенствованию действующего законодательства или указавших на существование определенной следственной или судебной практики.

При исследовании различных проблем обеспечения законных интересов и прав обвиняемого в советском уголовном процессе автор стремился в сравнительном плане показать решение аналогичных вопросов в законодательстве социалистических государств.

Показ процессуальных гарантий прав обвиняемого в советском уголовном судопроизводстве помогает разоблачить клеветнические утверждения буржуазной пропаганды об отсутствии таковых в социалистическом обществе, полную несовместимость с подлинным марксизмом культа личности и связанных с ним грубых нарушений демократии и законности, которые осуществляются в КНР маоцзэдуновской кликой.

В диссертации на основе анализа буржуазных уголовно-процессуальных теорий, законодательного материала и практики его применения показывается антидемократическая сущность одноименных с советскими институтов уго-

ловного процесса США, Англии, ФРГ и Франции, юридическая необеспеченность законных интересов и прав обвиняемого в уголовном процессе этих стран, явный разрыв между буржуазным законодательством и теорией, с одной стороны, и практической деятельностью органов юстиции, с другой.

Процессуальные гарантии прав обвиняемых в советском уголовном процессе рассматриваются в диссертации применительно к стадиям предварительного расследования и предания суду. Таковы те общие положения, из которых автор исходил при выборе темы диссертации и в процессе работы над ней и которые подробно изложены в авторском вступлении.

Основные положения первого тома диссертации (стр. 1—600) изложены в монографии «Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе» (стадия предварительного расследования), опубликованной в 1959 г. в издательстве ЛГУ. Содержание второго тома диссертации (стр. 601—906) изложено в монографиях: «Предание суду по советскому уголовно-процессуальному праву» (написана в соавторстве с И. М. Гальпериным), изд. «Юридическая литература», 1965 г., и «Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду», изд. ЛГУ, 1966.

I том диссертации «Гарантии прав обвиняемого в стадии предварительного расследования» состоит из 9 глав. В первой главе «Привлечение к уголовной ответственности» рассматривается соотношение понятий «привлечение в качестве обвиняемого» и «привлечение к уголовной ответственности». Уголовная ответственность определенного лица в совершении определенного преступления как категория объективной реальности существует еще до вынесения обвинительного приговора. Суд своим приговором лишь фиксирует ее, но отнюдь не создает. С момента совершения преступления определенным лицом возникает уголовно-правовое отношение, обязывающее соответствующие государственные органы избличить и наказать виновного в соответствии с содеянным, а лицо, совершившее преступление, подчиниться государственным принудительным мерам, направленным на установление его виновности и назначение справедливого наказания (у субъектов уголовно-правового отношения возникают и соответствующие права, но от рассмотрения этих прав мы сознательно отвлекаемся).

Если по тем или иным причинам органы государства, обязанные возбудить уголовное дело по факту совершенного преступления, не возбудят уголовного дела, то все равно уголовно-правовое отношение, порожденное самим фактом совершения преступления, продолжает существовать, обязывая органы государства возбудить уголовное дело и принять

все необходимые меры для раскрытия преступления и изобличения виновного. Следовательно, уголовно-правовое отношение, возникая одновременно с фактом совершения преступления, порождает в дальнейшем уголовно-процессуальные отношения, в ходе осуществления которых соответствующие государственные органы должны изобличить виновного и подвергнуть его справедливому наказанию.

У лица, совершившего преступление, также возникает обязанность подчиниться государственным принудительным мерам, направленным на его изобличение и наказание, но до привлечения этого лица в качестве обвиняемого эта обязанность не обеспечивается принудительными государственными мерами, хотя уголовное дело по факту совершения преступления и может быть уже возбуждено. После вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого лица, производящее дознание, следователь или прокурор как представители органов государства получают по отношению к обвиняемому ряд таких полномочий, которых они не имеют в отношении других граждан. После вынесения этого постановления обязанность лица, совершившего преступление, подчиниться мерам государственного принуждения, направленным на изобличение виновного и его справедливое наказание, может осуществляться в принудительном порядке при помощи предусмотренных в законе средств. Применение этих принудительных средств (заключение под стражу в качестве меры пресечения и т. п.) является оправданным и необходимым в предусмотренных законом случаях только тогда, когда в качестве обвиняемого привлечено действительно лицо, совершившее преступление.

Поэтому с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого начинается и привлечение этого лица к уголовной ответственности. С этого момента именно только начинается привлечение этого лица к уголовной ответственности, так как признание обвиняемого виновным и назначение ему справедливого наказания является исключительной прерогативой суда. Такое понимание привлечения лица в качестве обвиняемого находит прочное обоснование в действующем законодательстве, которое, во-первых, считает возможным применение заключения под стражу в качестве меры пресечения только по тем делам, по которым возможен зачет предварительного заключения в случае признания обвиняемого виновным по приговору суда и подлежащим уголовному наказанию. Во-вторых, применение заключения под стражу в качестве меры пресечения, как и других мер пресечения к невиновному обвиняемому вообще недопустимо по закону, а отдельные такие случаи являются грубейшим нарушением социалистической законности, ибо

все принудительные меры уголовно-процессуального характера, которые применяются к обвиняемому, имеют своей целью обеспечить изобличение и наказание виновного.

Действующее законодательство предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности в стадии предварительного следствия и дознания, что лишний раз доказывает наличие уголовной ответственности как объективной реальности уже в стадии предварительного следствия и дознания (см. ст. ст. 6, 7, 8, 9 УПК РСФСР и ст. ст. 10, 50, 51, 52 УК РСФСР).

В Положении о прокурорском надзоре в СССР 1955 г. прямо предписывается Генеральному прокурору СССР и подчиненным ему прокурорам осуществлять надзор за точным исполнением законов в деятельности органов дознания и предварительного следствия, чтобы «1) привлекать к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, принимать меру к тому, чтобы ни одно преступление не осталось нераскрытым и ни один преступник не уклонился от ответственности; 2) строго следить за тем, чтобы ни один гражданин не подвергался незаконному и необоснованному привлечению к уголовной ответственности или иному незаконному ограничению в правах» (ст. 17). Приведенная формулировка не оставляет сомнения в том, что закон связывает вопрос об уголовной ответственности не с вынесением судом обвинительного приговора, а с моментом привлечения в качестве обвиняемого, которое осуществляется в стадии предварительного следствия и дознания. А если это так, то тогда для вынесения следователем такого постановления необходимо установление наличия состава преступления в действиях, инкриминируемых обвиняемому. Для выполнения задач уголовного судопроизводства и охраны законных интересов обвиняемого прежде всего важна объективная истинность вывода следователя о виновности обвиняемого при привлечении к уголовной ответственности, которая достигается только в том случае, когда расследование убедительно опровергает все возможные версии и устанавливает и обосновывает достоверными доказательствами правильность одной из этих версий. Правильность выводов следователя о виновности обвиняемого проверяется самим следователем после предъявления обвинения и прокурором в стадии предварительного расследования, судом во всех судебных стадиях советского уголовного процесса. Поэтому количество прекращенных уголовных дел после привлечения лица в качестве обвиняемого и количество оправдательных приговоров является объективным и надежным показателем правильности и обоснованности привлечения следователем граждан к уголовной ответственности. На основании изуче-

ния указанной выше следственной и судебной практики Ленинграда и данных статистики о количестве прекращенных уголовных дел в Ленинграде после предъявления обвинения по реабилитирующим обвиняемого основаниям можно утверждать, что фактически следователи Ленинграда почти безошибочно привлекали к уголовной ответственности только виновных лиц. Объективно истинный характер выводов следователей о виновности привлекаемого ими лица в совершении преступления объясняется тем обстоятельством, что следователи еще до вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого стремятся проверить возможные версии обвиняемого, которые он может выдвинуть после предъявления обвинения. Помимо проверки всех возможных версий о лице, совершившем преступление, следователи в подавляющем большинстве случаев имеют возможность учитывать те объяснения подозреваемого ими лица, которые он дает органам дознания или следствия до привлечения к уголовной ответственности.

Во-первых, ст. 109 УПК РСФСР прямо разрешает истребовать необходимые материалы и «получать объяснения» еще до возбуждения уголовного дела. Во-вторых, в следственной практике довольно широко распространен допрос в качестве свидетелей лиц, которых следователь по тем или иным причинам подозревает в совершении преступлений. В-третьих, широкое распространение получили случаи допроса лиц, которых следователь считает причастными к совершению расследуемого преступления в качестве подозреваемых. Если допрос в качестве подозреваемого тогда, когда это лицо задержано или к нему применена мера пресечения до привлечения к уголовной ответственности, предусмотрен действующим законодательством, то допрос в качестве подозреваемых в иных случаях является по существу нарушением закона.

Насколько распространено на практике получение объяснений лиц, причастных по мнению следователя к расследуемому преступлению, можно судить по тому факту, что из всех прекращенных уголовных дел после предъявления обвинения в 1964—1966 годах в 14 районных прокуратурах г. Ленинграда только по двум уголовным делам обвиняемым были предъявлены обвинения, по которым они не давали объяснений до возбуждения уголовного дела и не допрашивались в качестве свидетелей или подозреваемых до привлечения к уголовной ответственности.

Выводы следователя о виновности обвиняемого являются результатом всего предшествующего предварительного расследования. Поэтому проверка вывода следователя о виновности обвиняемого при привлечении к уголовной ответствен-

ности невозможна без проверки всесторонности, полноты и объективности предшествующего расследования, законности и обоснованности каждого следственного действия, в результате которого следователь получил те или иные фактические данные. Эта проверка, разумеется, осуществляется и после привлечения в качестве обвиняемого следователем, прокурором, участниками уголовного процесса при ознакомлении с материалами оконченного следственного производства, судьями в последующих судебных стадиях. В силу того, что соблюдение требований закона, обнаруженные и процессуально закрепленные следователем доказательства, примененные им знания и средства из области различных наук находят свое отражение в материалах расследования, т. е. находятся за пределами сознания следователя, хотя и отражаются в его сознании, — не только следователь, но и любой другой участник уголовного судопроизводства, ознакомившись с материалами уголовного дела или их непосредственно проверив, как это имеет место в судебном разбирательстве, получает возможность с полным основанием судить о законности и обоснованности обвинения, всесторонности, полноте и объективности исследования всех обстоятельств уголовного дела, о действительной доказанности виновности обвиняемого.

Из сказанного ясно, что требование наличия внутреннего убеждения следователя к моменту привлечения к уголовной ответственности является надежной гарантией законных интересов обвиняемого только в том случае, если оно является субъективным выражением объективно существующей и доказанной следователем виновности обвиняемого в инкриминируемых ему преступлениях.

Но наличие такого убеждения следователя в виновности обвиняемого при привлечении его к уголовной ответственности не превращает следователя в обвинителя. Во-первых, совершенно неправильно, по нашему мнению, наличие внутреннего убеждения в виновности обвиняемого делать решающим и определяющим признаком, который позволял бы считать, что с момента появления такого внутреннего убеждения его обладатель является обвинителем и будет выполнять функцию обвинения. Если бы это было так, то тогда в стадии судебного разбирательства судьи после удаления в совещательную комнату и в случае вынесения ими обвинительного приговора могли бы также рассматриваться в качестве обвинителей, выполняющих в этот момент функцию обвинения. Во-вторых, привлечением лица в качестве обвиняемого предварительное расследование отнюдь не заканчивается, а, наоборот, продолжается для того, чтобы проверить законность и обоснованность обвинения в свете показаний

обвиняемого. Следовательно обязан принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства (ст. 20 УПК РСФСР). Такими первоочередными мерами являются предъявление обвинения и допрос обвиняемого, в ходе которого следователь обязан проверить свой вывод о виновности обвиняемого. Если следователь еще должен проверить свой вывод о виновности обвиняемого после предъявления обвинения, то, по-видимому, нельзя говорить о следователе как об обвинителе.

В-третьих, к моменту привлечения к уголовной ответственности следователь должен быть убежден в виновности обвиняемого в совершении преступления, но обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, обстоятельства, отягчающие и смягчающие ответственность привлекаемого, если они лежат за пределами состава преступления, а также причины и условия, способствующие совершению преступления, и некоторые другие факты могут быть вообще неизвестны следователю. Поэтому их установление — задача дальнейшего расследования. Отсюда неправильно рассматривать следователя к моменту привлечения к уголовной ответственности в качестве обвинителя, ибо этому «обвинителю» еще неизвестен ряд важных обстоятельств, входящих в предмет обвинения. Совмещение таких противоположных функций, как обвинение и защита, в одном лице с тем, чтобы оно с одинаковой энергией, настойчивостью и объективностью их выполняло, — требование нереальное, находящееся в противоречии с законами психологии. В свое время К. Маркс справедливо подчеркивал, имея в виду предварительное следствие в германском уголовном судопроизводстве, что в «уголовном процессе судья, обвинитель и защитник соединены в одном лице. Это соединение противоречит всем законам психологии»¹. Поэтому совмещение таких противоположных функций как обвинение и защита в одном лице неправильно и в практической деятельности не может быть осуществлено.

Следователь не становится обвинителем после вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого и не осуществляет функции обвинения, а продолжает вести всестороннее, полное и объективное расследование уголовного дела, что и является его единственной процессуальной функцией, стремясь установить все обстоятельства, подле-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 26.

жащие доказыванию в полном соответствии с объективной истиной.

В отношении влияния «тактических соображений» на момент вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого следует указать, что вне зависимости от характера расследуемого уголовного дела и вне зависимости от каких-либо тактических соображений привлечение к уголовной ответственности недопустимо, если следователь не собрал достаточных доказательств, убеждающих его в виновности обвиняемого. В таких случаях следователь вправе при обязательном наличии предусмотренных в законе оснований только задержать подозреваемого или избрать меру пресечения к нему до привлечения к уголовной ответственности. Иначе следует решать этот вопрос, если следователь собрал достаточные доказательства для привлечения к уголовной ответственности одного из соучастников, но считает необходимым по тактическим соображениям несколько повременить с привлечением этого лица в качестве обвиняемого. Обычно в советской уголовно-процессуальной и криминалистической литературе указывается на то, что если имеются доказательства, позволяющие предъявить обвинение одновременно нескольким лицам, то привлечение к уголовной ответственности и допрос надо начинать с того обвиняемого, от которого можно скорее получить правдивые показания, чтобы результаты этого допроса использовать для изобличения других обвиняемых. Это положение несомненно правильное, но может быть и иная ситуация, когда в отношении одного из соучастников собраны достаточные доказательства для привлечения к уголовной ответственности, а в отношении остальных соучастников таких доказательств, кроме определенных подозрений, не имеется. В этой ситуации привлечение к уголовной ответственности одного из соучастников может привести к тому, что остальные соучастники скроются от следствия, уничтожат вещественные и письменные доказательства своей преступной деятельности, прекратят всякое общение между собой, надежно спрячут похищенное и т. д. В таких и подобных случаях требование немедленного привлечения к уголовной ответственности одного из соучастников фактически могло бы нанести непоправимый вред делу успешного раскрытия всех преступлений, совершенных несколькими лицами, и их изобличению.

Однако привлечение к уголовной ответственности не может осуществляться в последние дни срока предварительного расследования, когда привлечение в качестве обвиняемого и предъявление последнему материалов оконченного расследования уголовного дела производятся следователем в один и тот же день. На основании изучения указанной выше след-

ственной и судебной практики можно утверждать, что предъявление обвинения в день выполнения требований ст. 201 УПК РСФСР приводит к грубым нарушениям законных интересов и прав обвиняемого. Нельзя считать случайным тот факт, что, как правило, вынесение оправдательных приговоров, случаи прекращения уголовных дел судом имеют место по тем уголовным делам, где предъявление обвинения осуществлялось или в самый последний день или за день до выполнения требований ст. 201 УПК РСФСР. Предъявление обвинения обвиняемому в самый последний день срока предварительного расследования приводит к тому, что суды вынуждены возвращать такие дела к доследованию, а органы следствия в результате дополнительного расследования вынуждены их прекращать и в ряде случаев освобождать обвиняемых из-под стражи. Предъявление обвинения в последний день срока предварительного расследования приводит также к тому, что прокуроры вынуждены возвращать следователям дела к доследованию или их прекращать. Предъявление обвинения в последний день срока предварительного расследования приводит к необъективной оценке показаний обвиняемых, к их поверхностному и формальному допросу, в результате чего невиновные советские граждане оказываются неосновательно привлекаемыми к уголовной ответственности, преданными суду и даже заключенными под стражу. Следователь в этих случаях фактически не имеет необходимого времени ни для того, чтобы действительно проверить показания обвиняемого, опровергающие полностью или частично предъявленное обвинение, ни для того, чтобы удовлетворить ходатайства обвиняемого и его защитника о дополнении предварительного следствия. Поэтому в этих случаях предъявление обвиняемому обвинения, его допрос и ознакомление со всеми материалами уголовного дела превращаются в пустую формальность и не являются гарантиями законных интересов и прав обвиняемого, а следователь фактически предвзято относится к показаниям и ходатайствам обвиняемого и его защитника.

Нарушение законных интересов и прав обвиняемого в этих случаях может произойти не только из-за отсутствия у следователя необходимого времени для тщательной проверки показаний обвиняемого, но и потому, что некоторые доказательства к этому времени могут быть окончательно потеряны или их получение может быть очень затруднено (например, в связи с выездом ряда лиц, на которых ссылается обвиняемый, в длительную командировку, призывом в Советскую армию, смертью и т. д.).

Искусственная затяжка привлечения к уголовной ответственности и отнесение этого важного акта к самому концу

предварительного расследования может нанести существенный вред и делу раскрытия преступления и изобличения виновных. Во-первых, к моменту привлечения к уголовной ответственности, который неоправданно был отложен следователем на самый конец расследования, может оказаться, что лицо, подлежащее ответственности, выехало из места своего прежнего проживания. В этом случае нет уклонения от следствия, так как такое лицо не было привлечено в качестве обвиняемого и фактически не предупреждалось органами расследования в официальном порядке о необходимости не покидать своего места жительства без разрешения следователя. Во-вторых, отнесение акта привлечения к уголовной ответственности к самому концу предварительного следствия может привести к совершению обвиняемым нового преступления. В-третьих, такая неправильная следственная практика может привести к тому, что органы дознания и предварительного следствия не смогут своевременно собрать и процессуально закрепить доказательства, изобличающие обвиняемого в совершении инкриминируемого ему преступления. Случаи прекращения уголовных дел следователем после предъявления обвинения по п. 2 ст. 208 УПК РСФСР, как показывает изучение следственной практики, еще имеют место.

В-четвертых, такая следственная практика приводит к тому, что возмещение ущерба по совершенным хищениям осуществляется в очень незначительном размере, так как обвиняемые имеют возможность скрыть и переопределить похищенное. В-пятых, такая следственная практика приводит фактически к игнорированию важности установления причин и условий, способствовавших совершению преступления. Предъявление обвинения и допрос обвиняемого одновременно с выполнением требований ст. 201 УПК РСФСР фактически не дают возможности следователю во всех случаях установить и выявить действительные причины и условия, способствовавшие совершению преступления, при помощи показаний обвиняемого. Вряд ли осуществляется во всех этих случаях и воспитательное воздействие следователя на обвиняемого.

По нашему мнению, борьба с этой неправильной практикой будет эффективной, если, во-первых, привлечение к уголовной ответственности будет осуществляться как только будет доказан состав преступления в действиях привлекаемого, и, во-вторых, когда неправильная практика допроса будущего обвиняемого в качестве свидетеля с постановкой прямо его уличающих вопросов или в качестве подозреваемого, вне указанных в законе случаев, будет полностью изжита. Для этого необходимо по линии Прокуратуры СССР

дать обязательные директивные указания всем следственным органам о такой организации планирования расследования, чтобы привлечение к уголовной ответственности, как правило, не осуществлялось бы в конце предварительного следствия или дознания, а на прокуроров возложить строгий надзор за соблюдением этого правила. В тех исключительных случаях, когда привлечение к уголовной ответственности все-таки придется осуществить в самом конце предварительного расследования, следователь и прокурор обязаны особенно тщательно и скрупулезно проверять показания обвиняемого и заявленные им или его защитником ходатайства. В этих случаях прокурору района, надзирающему за предварительным следствием, следовало бы предоставить право продления на краткий срок предварительного следствия (не более чем до двух недель). Следователь, зная об отсутствии такого права у прокурора района, зачастую отказывает в обоснованных ходатайствах обвиняемого и его защитника в связи с истечением срока предварительного следствия, не рискуя обращаться с ходатайством о продлении срока следствия на несколько дней к вышестоящему прокурору. В силу большой занятости прокурора области и территориальной его удаленности от районов, удовлетворение ходатайства о продлении срока предварительного следствия может занять больше времени, чем его необходимо для производства тех или иных следственных действий. Кроме того ходатайства о продлении срока предварительного следствия и дознания подаются за неделю до истечения срока, т. е. они рассчитаны на те случаи, когда следователю еще до окончания следствия ясно, что он не сумеет уложиться в предусмотренный в законе срок. Однако ходатайства обвиняемого и его защитника при выполнении ст. 201 УПК РСФСР могут быть непредвиденными заранее следователем и носить для него неожиданный характер. Предоставление районному прокурору права продления срока не привело бы к волоките, а, наоборот, содействовало бы ее пресечению, так как предотвратило бы в ряде случаев возвращение судом уголовных дел к доследованию.

Вопрос об ответственности следователя может возникнуть только тогда, когда уголовное преследование после предъявления обвинения прекращено по основаниям, полностью реабилитирующим обвиняемого. Однако изучение указанной выше следственной и судебной практики Ленинграда позволяет утверждать, что нельзя каждый случай прекращения уголовного дела после предъявления обвинения по реабилитирующим обвиняемого обстоятельствам ставить в вину следователям. Вполне возможны и действительно встречаются в практике такие случаи, когда следователь, даже со-

ставляя обвинительное заключение по делу, не мог фактически установить обстоятельства, которые обнаружили только в судебном разбирательстве и обусловили вынесение оправдательного приговора. Поэтому нельзя просто исходить из факта прекращения уголовного преследования по реабилитирующим обвиняемого основаниям после привлечения к уголовной ответственности, а необходимо тщательно изучать каждое уголовное дело, чтобы решить, можно ли в данном конкретном случае поставить в вину следователю привлеченные лица в качестве обвиняемого или нет.

Эффективность борьбы с необоснованными и незаконными привлеченными к уголовной ответственности и с проявлениями обвинительного уклона зависит не столько от сурового наказания лиц, допустивших эти нарушения, сколько от того, чтобы ни один такой случай не проходил без соответствующего реагирования, установления его причин и принятия мер предупредительного характера. Однако в этом отношении на практике не все делается, что, по нашему мнению, можно и нужно делать. На практике изучение уголовных дел, по которым уголовное преследование было прекращено по основаниям, реабилитирующим обвиняемого, осуществляется, как правило, лишь в тех случаях, когда суд вынес оправдательный приговор или прекратил уголовное дело или дело было прекращено в стадии предварительного расследования с освобождением обвиняемого из-под стражи. Изучение этих дел осуществляется соответствующими отделами областной прокуратуры или приравненными к ней прокуратурами. Не отрицая важности и необходимости этой работы, следует все же указать, что и те уголовные дела, по которым обвиняемый не содержался под стражей, но был незаконно и необоснованно привлечен к уголовной ответственности с последующим прекращением уголовного дела в стадии предварительного расследования, также необходимо изучать для установления причин незаконного и необоснованного привлечения к уголовной ответственности и принятия мер по предупреждению подобных фактов в будущем.

Изучение таких дел с анализом причин нарушений должно быть вменено в обязанность прокурору и помощникам прокурора, осуществляющим надзор за предварительным следствием и дознанием. Такие случаи должны выноситься на оперативные совещания следственных работников данного района для всестороннего изучения и анализа допущенных ошибок. Прокурор района, отвечающий за соблюдение законности в стадии предварительного следствия или дознания, будет иметь гораздо больше возможностей вовремя обратить внимание следователей и лиц, производящих до-

знание, на допущенные ошибки, выявить их конкретные причины, которые могут заключаться не только в сознательном игнорировании требований закона, но и в незнании закона или в отсутствии необходимых способностей к следственной работе у того или иного следователя или дознавателя, в нежелании его повышать свои профессиональные знания и навыки и т. д. Конечно, подобное изучение указанных категорий уголовных дел и сейчас осуществляется в некоторых районах, но оно должно осуществляться повсеместно и быть вменено в обязанность прокурорам директивными указаниями Генерального Прокурора СССР.

В первой главе подробно рассмотрены и другие возражения против наличия внутреннего убеждения следователя в виновности обвиняемого при привлечении к уголовной ответственности и необходимости достоверного установления состава преступления в действиях привлекаемого.

Вторая глава «Презумпция невиновности» посвящена раскрытию роли и значения этого принципа в стадии предварительного расследования. Содержащееся в монографии автора настоящей диссертации утверждение, что принцип презумпции невиновности обвиняемого в стадии предварительного расследования прекращает свое действие, когда обвинение бесспорно доказано, нельзя признать правильным, так как оно по существу вступает в противоречие с ранее сделанным автором выводом о том, что принцип презумпции невиновности обвиняемого продолжает действовать и после этого момента в том смысле, что закон не считает обвиняемого виновным до вступления приговора в законную силу¹. Принцип презумпции невиновности обвиняемого как объективное правовое положение, согласно которому закон не считает обвиняемого виновным до вступления приговора в законную силу, доказанность обвинения в стадии предварительного расследования отменить не может. Поэтому принцип презумпции невиновности не прекращает своего действия в этой стадии, а выводы следователя и прокурора о виновности обвиняемого будут проверяться по существу судом в стадии судебного разбирательства, где судьи также будут исходить из этого принципа.

В диссертации рассматривается вопрос о том, каково самостоятельное значение принципа презумпции невиновности и не поглощается ли он по существу другими принципами советского уголовного процесса. Установление виновности обвиняемого с назначением ему уголовного наказания толь-

¹ См. В. З. Лукашевич. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе (стадия предварительного расследования), 1959, изд-во ЛГУ, стр. 55, 54.

446

ко по приговору суда вытекает не только из принципа презумпции невиновности, но и из принципа осуществления правосудия только судом. Однако принцип осуществления правосудия только судом не определяет правового положения обвиняемого в досудебных стадиях, равно как не предъявляет требования безусловной доказанности обвинения в стадии предварительного расследования. Принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела требует доказанности обвинения не только в судебном разбирательстве, но и в стадии предварительного расследования. Но этот принцип не дает ответа, как должен поступить следователь, прокурор, суд в тех случаях, когда обвинение не удалось доказать полностью, хотя определенные улики в отношении обвиняемого имеются. Принцип презумпции невиновности обвиняемого дает ответ на этот вопрос, так как раз виновность не установлена достоверно, то обвиняемый должен быть признан невиновным и полностью реабилитирован. Следовательно принцип презумпции невиновности обвиняемого требует не только достоверного и бесспорного установления виновности обвиняемого как в судебном разбирательстве, так и в стадии предварительного расследования, но и не допускает уголовного преследования и тем более осуждения обвиняемого при недоказанной его виновности, требуя его полной реабилитации в этих случаях.

Закончившаяся XXI сессия Генеральной Ассамблеи ООН одобрила Пакты о правах человека — Пакт об экономических, социальных и культурных правах и Пакт о гражданских и политических правах. Пакты открыты для их подписания и ратификации всеми государствами. Надо полагать, что в связи с принятием Пакта о гражданских и политических правах принцип презумпции невиновности будет получать все большее и большее законодательное закрепление в самых различных странах с разными социальными и политическими системами.

В третьей главе «Обязанность доказывания и толкование сомнений в пользу обвиняемого» подвергается критике понимание обязанности доказывания в советском уголовном процессе только как обязанности обвинителя доказать виновность обвиняемого, так как при таком понимании этой обязанности оказывается искусственно урезанным круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, и неполным круг тех государственных органов, которые обязаны установить все обстоятельства, подлежащие доказыванию при расследовании и рассмотрении уголовных дел. Если обязанность доказывания может быть возложена только на обвинителя, то тогда, естественно, эта обязанность не может быть возложена на следователя или лицо, производящее дознание, во всяком

случае в тот период расследования, когда еще не вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Поэтому обязанность доказывания, лежащая на органах дознания, следствия, прокуратуры и суда, сводится к полному, всестороннему и объективному установлению всех обстоятельств дела, подлежащих доказыванию, к собиранию, закреплению, проверке и оценке доказательств, при помощи которых будут установлены все обстоятельства дела¹. В этой главе подробно обоснована неправильность возложения на обвиняемого обязанности представления доказательств в обоснование выдвигаемых им положений в свою защиту, ибо положительное решение этого вопроса фактически означает перекладывание обязанности доказывания на обвиняемого.

В четвертой главе «Предъявление обвинения и допрос обвиняемого» подробно рассмотрены вопросы как содержания постановления о привлечении в качестве обвиняемого, так и тактики первого допроса после предъявления обвинения. Для обеспечения того, чтобы обвиняемые действительно своевременно могли реализовать предоставленные им по закону права в стадии предварительного расследования, следовало бы вручать обвиняемому печатный бланк, перечисляющий все права обвиняемого в этой стадии процесса, о чем делать соответствующую отметку в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. При таком порядке разъяснения прав обвиняемый сможет после окончания допроса в спокойной обстановке ознакомиться со всеми правами, которыми он обладает в этой стадии, и принять меры для их действительной реализации. Кроме того, следовало бы выдавать обвиняемому копию постановления о привлечении в качестве обвиняемого или разрешить ему самому снимать копию этого постановления. Такой порядок предъявления обвинения и разъяснения прав обвиняемому не означал бы по существу какого-то дополнительного расширения прав обвиняемого в стадии предварительного следствия и дознания, а фактически только более надежно обеспечивал бы права обвиняемого, предоставленные ему действующим законодательством в настоящее время.

Проверка всего хода допроса обвиняемого важна не только для случаев, когда следователь прибегает к грубым незаконным методам ведения допроса, но не менее важно проверить правильность ведения допроса обвиняемого в тех случаях, когда следователь сознательно не прибегает к незаконным методам, но в действительности ставит обвиняе-

¹ См. подробнее об этом: В. З. Лукашевич. Вопросы доказательственного права в свете нового уголовно-процессуального законодательства, Вестник Ленинградского Университета, 1963, № 11, стр. 98—102.

тому наводящие и улавливающие вопросы и т. д. Средством фиксации всего хода допроса обвиняемого является протокол допроса. Но в протоколах фиксируются, как правило, только конечные результаты допроса, но отнюдь не самый его ход. Следовательно протокол допроса обвиняемого, как правило, фиксирует только полученные в результате допроса доказательства, но не фиксирует тот путь, посредством которого следователь получил эти доказательства. Если о правильности, эффективности и законности осуществления того или иного действия может судить только лицо, которое само осуществляет это действие, а другие лица фактически лишены возможности объективно проконтролировать весь ход допроса, когда они не участвовали непосредственно в его производстве, то методы и средства, примененные при допросе, не могут быть объективно проконтролированы и научно обобщены. Этим обстоятельством в значительной степени, по нашему мнению, объясняется недостаточная научная разработка вопросов тактики допроса обвиняемого в советском уголовном процессе.

В соответствии с решением ЦК КПСС и СМ СССР о применении современных технических средств при расследовании преступлений ст. 141¹ УПК РСФСР предусматривает применение звукозаписи при допросе, которая позволяет отражать весь ход допроса обвиняемого, поставленные следователем вопросы, их характер, очередность, содержание и характер ответов обвиняемого и т. д. В этом отношении звукозапись показаний обвиняемого является важной правовой гарантией его законных интересов и действенным средством повышения мастерства следователя и качества расследования преступлений. Однако применение звукозаписи не должно быть рассчитано только на те случаи, когда обвиняемый в конце концов сознался в совершении преступления. Необходимость звукозаписи показаний обвиняемого, отрицающего свою вину, не менее важна не только для охраны законных интересов обвиняемого, но и для возможности контроля за целесообразностью, эффективностью и законностью примененных следователем методов и средств допроса. В следственной практике возможны случаи, когда сперва следователь будет допрашивать обвиняемого, а потом уже фактически после окончания допроса применит магнитофонную запись.

Для предупреждения подобных случаев и охраны законных интересов обвиняемого прежде всего целесообразно, как правило, осуществлять звукозапись показаний обвиняемого сразу же после предъявления обвинения при первом его допросе.

Однако возможны случаи, когда последующие допросы

обвиняемого могут быть осуществлены без звукозаписи или когда звукозапись будет применена на последующих допросах, хотя на первом допросе после предъявления обвинения звукозапись не применялась. Для охраны законных интересов обвиняемого в этих случаях необходимо реальное разъяснение обвиняемому его права требовать оформления протоколом каждого его допроса, разъяснения ему права внесения любых изменений и дополнений в протокол допроса, а также права собственноручной записи его показаний. Применительно к случаям осуществления звукозаписи показаний обвиняемого последнему должно быть разъяснено его право требовать такой записи только с самого начала допроса, а не в самом ходе допроса или после его фактического окончания. По нашему мнению, при применении звукозаписи при допросе обвиняемого было бы правильнее до начала допроса не только предупредить последнего о применении звукозаписи, но и разъяснить ему, что помимо звукозаписи будет составлен протокол допроса и что он имеет право внести изменения и дополнения как в фонограмму допроса, так и в протокол допроса после воспроизведения ему фонограммы и составления протокола.

В пятой главе «Защитник в стадии предварительного следствия» подробно рассмотрены вопросы участия защитника в этой стадии.

При изучении и обобщении всех прекращенных уголовных дел после предъявления обвинения в указанных районах Ленинграда за последние три года обращает на себя внимание тот факт, что адвокаты, участвовавшие по ряду этих дел в стадии предварительного следствия, не заявили вообще никаких ходатайств, хотя уголовные дела были обоснованно прекращены следователями, прокурорами, распорядительным заседанием суда или суд выносил оправдательный приговор в отношении обвиняемого, которого «защищали» адвокаты в стадии предварительного следствия.

Одной из основных причин формального и пассивного участия некоторых адвокатов в стадии предварительного следствия является недостаточная теоретическая разработанность в науке советского уголовного процесса вопроса о позиции адвоката в советском уголовном процессе вообще и о позиции адвоката в стадии предварительного следствия в частности. Для правильного решения вопроса о позиции адвоката в стадии предварительного следствия необходимо прежде всего подчеркнуть решающее и принципиальное положение, заключающееся в том, что участие адвоката в стадии предварительного следствия не простая подготовка к его участию в стадии судебного разбирательства, а совершенно самостоятельная и ограниченная рамками предвари-

тельного следствия деятельность адвоката, направленная на защиту законных интересов и прав обвиняемого в этой стадии процесса. Поэтому адвокат обязан уже в этой стадии занять определенную позицию по отношению к предъявленному обвиняемому обвинению по каждому уголовному делу и принять все необходимые меры для ее отстаивания перед органами предварительного следствия.

Нельзя защищать законные интересы обвиняемого, не определив своего отношения к тому, нарушены ли в действительности эти законные интересы в данном конкретном случае, т. е. доказано ли обвинение, правильно ли квалифицированы действия подзащитного, необходимы ли дополнительные следственные действия для установления оправдывающих или смягчающих ответственность обвиняемого обстоятельств и т. д. Позиция адвоката в стадии предварительного следствия может выражаться как в заявлении им соответствующих ходатайств при окончании следствия, так и не в заявлении вообще каких-либо ходатайств. Согласование позиций адвоката и обвиняемого по поводу заявления или незаявления тех или иных ходатайств в стадии предварительного следствия должно быть правилом, но это согласование позиций адвоката и его подзащитного должно осуществляться на принципиальной основе. Если адвокат не сумеет убедить обвиняемого в правильности и целесообразности избранной им позиции по делу и не будет считать возможным согласиться с позицией обвиняемого, то в этом случае адвокат должен разъяснить своему подзащитному его право заявить те или иные ходатайства от своего имени. Одновременно адвокат должен поставить обвиняемого в известность о том, что он будет заявлять ходатайства от своего имени в соответствии с избранной им позицией, если обвиняемый не откажется от его услуг и не пригласит другого защитника или не откажется вообще от защитника в этой стадии процесса. После такого разъяснения адвокат вправе заявлять ходатайства от своего имени даже при наличии расхождения со своим подзащитным, если обвиняемый не отказался от его услуг в стадии предварительного следствия.

Необходимость избрания адвокатом позиции по каждому уголовному делу в стадии предварительного следствия позволяет поставить вопрос о повышении ответственности адвокатов за качество осуществляемой ими защиты в этой стадии процесса. Вопрос об ответственности адвокатов за качество осуществляемой ими защиты в стадии предварительного следствия может возникать только в тех случаях, когда адвокат не заявил ходатайства о прекращении дела, хотя обвиняемый был привлечен к уголовной ответственности

явно необоснованно и эта необоснованность была отчетливо видна из собранных следствием материалов, когда предварительное следствие было проведено неполно и односторонне, в результате чего не были выяснены обстоятельства, оправдывающие обвиняемого или смягчающие его ответственность, а адвокат не заявил ходатайства о дополнении предварительного следствия. Поэтому прокурор, осуществляющий надзор за законностью в стадии предварительного следствия и обнаруживший факт необоснованного и незаконного привлечения к уголовной ответственности обвиняемого, обязан не только принять соответствующие меры к следователю, допустившему грубое нарушение социалистической законности, но и проверить, какие ходатайства заявил адвокат, участвовавший в стадии предварительного следствия. Если адвокат, участвовавший в стадии предварительного следствия, недобросовестно и небрежно отнесся к своим обязанностям, то прокурор обязан об этом факте довести до сведения соответствующего президиума коллегии адвокатов. Аналогично должен поступить и следователь, обнаруживший факт недобросовестного и небрежного отношения адвоката к своим обязанностям в стадии предварительного следствия.

С другой стороны, адвокаты, обнаружившие грубые нарушения социалистической законности в стадии предварительного следствия, помимо заявления соответствующих ходатайств, направленных на устранение этих нарушений, вправе довести через президиум коллегии адвокатов об этих фактах до сведения вышестоящего прокурора для принятия необходимых мер к виновным лицам. Изучение архивных материалов отдела адвокатуры Юридической комиссии СМ РСФСР за 1965 г. показывает, что такие отдельные случаи внесения представлений в президиумы коллегии адвокатов со стороны следователей и прокуроров о недобросовестном выполнении адвокатами своих обязанностей по защите обвиняемых в стадии предварительного следствия встречаются в следственной практике. Президиумы коллегии адвокатов также в ряде случаев входили с представлениями к вышестоящему прокурору по поводу допущенных следователями и прокурорами нарушений законности в стадии предварительного следствия. Обязательное отражение в адвокатском производстве позиции адвоката в стадии предварительного следствия, отношения обвиняемого к предъявленному обвинению, содержания беседы адвоката с обвиняемым и согласования их позиций, а также тех мер, которые принял адвокат для отстаивания своей позиции, будет действенным средством для повышения качества защиты и установления реального и эффективного контроля со стороны президиума

коллегии за деятельностью адвокатов в этой стадии процесса.

Случаи формального или даже недобросовестного отношения отдельных адвокатов к своим обязанностям в стадии предварительного следствия не могут, конечно, поставить под сомнение положительный эффект участия защитников в этой стадии советского уголовного процесса. Прежде всего необходимо указать на то, что, как правило, оправдательные приговоры выносятся по тем делам, по которым в стадии предварительного следствия адвокаты вообще не участвовали. В большинстве случаев возвращения судом уголовных дел на дополнительное расследование адвокаты также не принимали участия в предварительном следствии. В тех случаях, когда адвокаты принимали участие в предварительном следствии и их ходатайства не получали положительного разрешения в этой стадии, они заявляли эти ходатайства в суде, который их удовлетворял во многих случаях. Значительное число уголовных дел прекращается по ходатайствам адвокатов непосредственно в стадии предварительного следствия следователями или прокурорами.

Поэтому следует признать, что восьмилетний опыт участия защитников в стадии предварительного следствия позволяет утверждать, что было бы правильно разрешить участие защитника с момента предъявления обвинения по всем уголовным делам.

Право выбора определенного защитника может быть реально обеспечено, если обвиняемому своевременно будет разъяснено это право и предоставлен определенный срок для заключения соглашения с юридической консультацией. Однако далеко не во всех случаях обязательного участия защитника в стадии предварительного следствия обвиняемому обеспечивается реально право приглашения определенного защитника. Сравнительно малое количество случаев участия адвокатов по соглашению в стадии предварительного следствия в значительной мере объясняется тем, что обвиняемым не разъясняется их право приглашения определенного защитника и не предоставляется достаточное время для заключения соглашения с юридической консультацией. Поэтому если лицо, которое следователь собираются привлечь в качестве обвиняемого, находится на свободе, то в этом случае одновременно с извещением этого лица о его явке в органы следствия ему должно быть разъяснено его право приглашения определенного защитника, если он допускается с момента предъявления обвинения. Если же лицо находится под стражей к моменту вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, то ему также должно быть разъяснено его право приглашения определенного

защитника и его желание в письменном виде должно быть доведено следователем до сведения тех лиц, которым он поручает заключение соглашения об участии определенного адвоката с момента предъявления обвинения.

По нашему мнению, следует согласиться с мнением Н. А. Акинча, И. Д. Перлова и других советских процессуалистов, которые предлагают предусмотреть единый перечень случаев обязательного участия защитника (п. 2—6 ст. 49 УПК РСФСР) как в стадии предварительного следствия, так и в судебном разбирательстве.

Значительная часть отклоненных следователями ходатайств адвокатов не обжалуется ими прокурору и не заявляется в распорядительное заседание. Нельзя считать, что все необжалованные ходатайства были заявлены адвокатами необоснованно, так как значительная часть этих ходатайств получает положительное разрешение в судебном разбирательстве. Такое положение в значительной степени объясняется тем, что защитнику не предоставляется по закону никакого срока для обдумывания и заявления ходатайств при окончании следствия. Статья 224 УПК Азербайджанской ССР и ст. 197 УПК Армянской ССР предусматривают суточный срок для формулирования ходатайств обвиняемому и его защитнику при ознакомлении с материалами оконченого следствием уголовного дела. Такое правило следовало бы предусмотреть в УПК всех остальных союзных республик. Для обеспечения действительной возможности обжалования отказов следователя в удовлетворении ходатайств защитника прокурору необходимо предусмотреть краткий срок с момента объявления защитнику постановления об отказе следователя в удовлетворении ходатайства, в течение которого он мог бы обжаловать это постановление прокурору. До истечения этого срока прокурор не должен утверждать обвинительное заключение и направлять уголовное дело в суд. Прокурор, получив жалобу адвоката на необоснованный отказ следователя в удовлетворении ходатайств, обязан эту жалобу приобщить к материалам дела и вынести мотивированное постановление об ее удовлетворении или отклонении, объявив адвокату это свое постановление. До разрешения жалобы адвоката по существу, которая была заявлена в предусмотренный в законе срок, уголовное дело не должно направляться в суд.

В шестой главе «Подозреваемый в стадии предварительного расследования» подробно рассмотрено процессуальное положение подозреваемого и те права, которыми он наделен для защиты своих законных интересов. Лицо, задержанное в порядке ст. 122 УПК РСФСР и арестованное после истечения трех суток с момента задержания в порядке ст. 90

УПК РСФСР, должно признаваться подозреваемым и в тех случаях, когда задержание и арест имели место до возбуждения уголовного дела, по признакам ч. 1 ст. 206 УК РСФСР. Такой вывод вытекает из текста Постановления Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. и из ст. ст. 414, 418 УПК РСФСР, одна из которых прямо указывает на то, что основания и порядок задержания определяются ст. 122 УПК РСФСР, а другая устанавливает применимость общих правил к производству по делам о хулиганстве кроме указанных изъятий в ст. 415—420 УПК РСФСР. Задержание и применение мер пресечения до предъявления обвинения в советском уголовном процессе возможны только в отношении подозреваемых. Поэтому нет абсолютно никаких оснований не применять это общее правило к указанным выше случаям.

Из признания лица, к которому применено задержание или избрана мера пресечения до возбуждения уголовного дела по ч. 1 ст. 206 УК РСФСР подозреваемым следует, во-первых, что задержание по ст. 122 УПК РСФСР возможно только тогда, когда имеются признаки преступления, за совершение которого возможно наказание в виде лишения свободы (недопустимо задержание по ст. 122 УПК РСФСР, когда имеет место мелкое хулиганство, не образующее признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 206 УК РСФСР, в случаях нанесения оскорбления и др.). Во-вторых, задержание таких лиц возможно только в случаях, прямо предусмотренных в ст. 122 УПК РСФСР. В-третьих, в каждом случае задержания должен составляться протокол с указанием оснований и мотивов задержания с соблюдением других требований, предусмотренных ст. 122 УПК РСФСР. В-четвертых, о каждом случае задержания в течение 24 часов с момента задержания должен быть извещен прокурор. В-пятых, если орган дознания считает необходимым арестовать задержанное лицо, то необходимо вынести соответствующее постановление об избрании меры пресечения — заключения под стражу, которое должно быть санкционировано прокурором до истечения 3-х суток с момента задержания. В-шестых, задержанному лицу должно быть разъяснено, в чем он подозревается, получены его объяснения в течение 24 часов с момента задержания и разъяснены права подозреваемого (в частности, права давать объяснения по поводу задержания и по обстоятельствам совершения преступления, в котором он подозревается, право представлять доказательства, заявлять ходатайства, обжаловать действия органа дознания прокурору). Соблюдение указанного порядка не требует какого-нибудь изменения срока рассмотрения дел о хулиганстве, и он полностью, по нашему

мнению, соответствует содержанию Постановления Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. и ст. ст. 414, 418 УПК РСФСР.

В каждом случае незаконного задержания граждан работниками милиции необходимо устанавливать причины задержания и виновных лиц и принимать меры предупредительного и воспитательного характера (меры дисциплинарного, общественного воздействия, а в необходимых случаях привлекать виновных к уголовной ответственности по ст. 178 УК РСФСР). Не должны проходить безнаказанно и случаи незаконного задержания, осуществляемые народными дружинниками, членами комсомольских оперативных отрядов и даже гражданами. О таких случаях также необходимо ставить в известность соответствующие организации для применения к виновным мер общественного воздействия, а в тех случаях, когда действия таких лиц образуют тот или иной состав преступления (например, нанесение телесных повреждений и др.), необходимо их привлекать к уголовной ответственности.

Было бы правильно на отдельном печатном бланке воспроизвести все права подозреваемого в понятной и общедоступной форме. В перечень этих прав необходимо внести и такие права, как право внесения дополнений и изменений в протокол допроса, право собственноручной записи своих показаний, право быть допрошенным в течение 24 часов, право на извещение семьи о задержании или аресте, право на охрану имущества, остающегося без присмотра, и передачу несовершеннолетних детей на попечение родственников или других лиц. Знание этих прав подозреваемым будет важной дополнительной гарантией правильного осуществления соответствующих обязанностей органом дознания, следователем, прокурором, поможет этим органам узнать своевременно о необходимости принятия мер в отношении несовершеннолетних детей, о которых этим органам может быть неизвестно, и т. д. Печатный бланк с перечнем прав подозреваемого должен выдаваться на руки подозреваемому, а второй экземпляр этого бланка с подписями подозреваемого и лица, производящего дознание, или следователя должен приобщаться к материалам дела.

К моменту окончания срока, на протяжении которого лицо может оставаться по закону в процессуальном положении подозреваемого, ему должна быть выдана на руки копия постановления об отмене меры пресечения с указанием оснований прекращения уголовного преследования в отношении этого лица. Основания прекращения уголовного преследования должны быть тождественны основаниям прекращения уголовного дела (ст. 208 УПК РСФСР). Аналогичное

постановление следовало бы выносить и при освобождении задержанного по ст. 122 УПК РСФСР из КПЗ. Только в отдельных, исключительных случаях вынесение такого постановления следователем может быть осуществлено в конце 10-дневного срока с момента задержания. Такое решение этого важного вопроса способствовало бы укреплению социалистической законности в стадии предварительного расследования и гарантировало бы законные интересы подозреваемых, которые во всех случаях прекращения уголовного преследования как по реабилитирующим, так и по нереабилитирующим основаниям должны иметь возможность добиваться своей полной реабилитации в необходимых, по их мнению, случаях.

В седьмой главе «Прекращение уголовного дела» рассмотрены вопросы обеспечения законных интересов обвиняемого при прекращении уголовных дел. В указании Прокуратуры СССР предлагается не приостанавливать производством дела, прекращенные за недоказанностью участия обвиняемых в совершении преступления в тех случаях, когда «не установлено событие преступления или когда по обстоятельствам дела исключается совершение преступления другим лицом (например, по заявлениям об изнасиловании в отношении конкретных лиц)». Во-первых, вряд ли правомерна попытка Прокуратуры СССР устранить противоречие в законодательстве путем издания упомянутого указания. Устранение противоречий между п. 3 ст. 195 УПК РСФСР и п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РСФСР возможно только путем законодательного изменения формулировки п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РСФСР. По нашему мнению, этот пункт следовало бы сформулировать следующим образом: «при недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления должно быть прекращено уголовное преследование в отношении данного лица, а уголовное дело должно быть приостановлено до обнаружения действительного виновника преступления или до истечения сроков давности, установленной уголовным законом». Во-вторых, вызывает возражения по существу рекомендация прекращать уголовные дела за недоказанностью участия обвиняемых в совершении преступления в тех случаях, когда «по обстоятельствам дела исключается совершение преступления другим лицом (например, по заявлениям об изнасиловании в отношении конкретных лиц)». Такая формулировка по существу указывает на таких обвиняемых, как на неизобличенных преступников. Между тем в действительности такой обвиняемый может быть невиновен.

По нашему мнению, недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления как основание для прекращения уголовного преследования в отношении данного лица мо-

жет вообще применяться, во-первых, при несомненном наличии самого преступного события, во-вторых, только после привлечения лица в качестве обвиняемого. В тех же случаях, когда событие преступления не удалось достоверно установить, неправильно прекращать уголовное дело за недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления. Поэтому за отсутствием события преступления (п. 1 ст. 5 УПК РСФСР) следует прекращать уголовное дело не только тогда, когда бесспорно установлено отсутствие события преступления, но и тогда, когда не установлено достоверно наличие события преступления; 2) за отсутствием в деянии состава преступления (п. 2 ст. 5 УПК РСФСР) следует прекращать уголовное дело тогда, когда в действиях обвиняемого нет состава преступления; 3) за недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления (п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РСФСР) возможно прекращение уголовного преследования только при несомненном наличии события преступления и после привлечения лица в качестве обвиняемого, но уголовное дело должно быть приостановлено для установления действительно виновного.

Прекращение уголовных дел по основаниям, предусмотренным ст. ст. 6, 7, 8, 9 УПК РСФСР, в стадии предварительного расследования осуществляется, как правило, без привлечения соответствующих лиц в качестве обвиняемых. Неправильность такой следственной практики заключается прежде всего в том, что она фактически приводит к допросу лиц в качестве свидетелей с постановкой прямых уличающих их вопросов или к допросу лиц в качестве подозреваемых, хотя они не были задержаны в порядке ст. 122 УПК РСФСР и к ним не была избрана мера пресечения в порядке ст. 90 УПК РСФСР. Во-вторых, такая следственная практика приводит в отдельных случаях к неполному раскрытию преступлений, совершенным такими лицами, или вообще к нераскрытию преступлений, расследование которых преждевременно прекращается в связи с передачей таких дел на рассмотрение товарищеского суда, в связи с передачей лица на поруки и т. д. В-третьих, такая следственная практика приводит к тому, что уголовное преследование прекращается по основаниям, предусмотренным ст. ст. 6, 7, 8, 9 УПК РСФСР в отношении лиц, которые отрицают свою вину. Следовательно в некоторых таких случаях не только не раскрываются преступления, но их совершение приписывается лицам, которые не считают себя виновными. В-четвертых, такая следственная практика может привести в ряде случаев к грубым нарушениям законных прав потерпевших. В-пятых, такая следственная практика может в ряде случаев приводить к искусственному увеличению числа раскры-

тых преступлений и соответственно к вуалированию действительного числа нераскрытых преступлений.

Если каждое уголовное дело, прекращенное в связи с установлением оснований, указанных в ст. ст. 6, 7, 8, 9 УПК РСФСР, считается раскрытым, а лица, совершившие указанные преступления изобличенными, то тогда естественно, что их виновность должна быть бесспорно доказана и проверена в свете их показаний. Поэтому в случае действительной доказанности вины этих лиц их необходимо привлекать в качестве обвиняемых, предъявлять им обвинение, допрашивать и проверять их показания. В этом случае действительно в материалах уголовного дела должны находиться исчерпывающие и всесторонне проверенные доказательства их виновности, устанавливающие все обстоятельства, подлежащие доказыванию в каждом уголовном деле (ст. 68 УПК РСФСР), включая и причины и условия, способствовавшие совершению преступления. Обвиняемым, в отношении которых прекращается уголовное преследование по нереабилитирующим их основаниям, должно быть предоставлено право требовать решения вопроса о их виновности в судебном разбирательстве.

Обвиняемому должно быть предоставлено право не только получить копию постановления о прекращении уголовного дела, но и право ознакомиться со всеми собранными следствием материалами, чтобы уяснить мотивы и основания прекращения дела. Предоставление обвиняемому права ознакомиться со всеми собранными материалами должно ему обеспечиваться следователем, если обвиняемый просит ознакомить его с этими материалами.

Конституция СССР возлагает на Советы депутатов трудящихся «соблюдение законов и охрану прав граждан» (ст. 97). Поэтому на соответствующие исполкомы Советов депутатов трудящихся должна быть возложена обязанность восстановить реабилитированных граждан во всех их правах. Если же соответствующие должностные лица не выполнят своих обязанностей, то реабилитированному должно быть предоставлено право обращаться с соответствующим иском в суд, который должен рассмотреть этот иск и его удовлетворить при наличии к этому законных оснований, и которому должно быть предоставлено право наложения денежного штрафа на должностных лиц, не выполнивших решение суда. Наложение штрафа на соответствующих должностных лиц, не выполнивших решения суда, не должно устранять необходимость выполнения решения суда о восстановлении реабилитированного во всех его правах.

В восьмой главе «Права обвиняемого в стадии предварительного расследования» не только подробно проанализиро-

ваны все права обвиняемого, но и показаны причины, которые в ряде случаев препятствуют полной и эффективной реализации обвиняемым прав в этой стадии уголовного процесса. В печатном бланке, где должны быть перечислены все права обвиняемого, следовало бы указать и обязанности обвиняемого, которого надлежало бы предупреждать о последствиях нарушения этих обязанностей. Такой порядок разъяснения прав и обязанностей обвиняемого в стадии предварительного расследования содействовал бы как реальному осуществлению обвиняемым его прав, так и соблюдению возложенных на него обязанностей.

В девятой главе «Прокурор как орган надзора за соблюдением законных интересов и прав подозреваемого и обвиняемого в стадии предварительного расследования» в качестве средства усиления действенности контроля прокурора за законностью и обоснованностью задержаний подозреваемых предлагается осуществлять обязательный допрос таких лиц прокурором перед решением вопроса о заключении их под стражу в качестве меры пресечения. Допрос подозреваемых прокурором не только поможет в указанных выше случаях обнаружить своевременно незаконность и необоснованность задержания, но он поможет реально проконтролировать, насколько полно и правильно разъяснены права подозреваемому, а также выяснить такие моменты, как наличие оставшихся без надзора детей или престарелых у подозреваемого, наличие имущества, остающегося без присмотра, и т. д. и принять действенные меры по охране личных или имущественных прав подозреваемого, заключенного под стражу. Необходимо подчеркнуть, что допрос подозреваемого прокурором при даче санкции на его арест уже осуществляется не только в ряде районов СССР, но и в некоторых странах народной демократии.

В некоторых случаях возможно такое положение, когда прокурор не сможет участвовать в допросе подозреваемого перед дачей санкции на арест. Поэтому в законе следовало бы оговорить, что допрос подозреваемого или обвиняемого при решении вопроса об аресте может быть осуществлен не только прокурором, но и одним из его помощников, хотя санкция на арест все равно должна являться обязанностью только прокурора.

Второй том диссертации «Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду» (стр. 601—906) состоит из 5 глав. **В первой главе** «Судебный контроль над преданием обвиняемого суду — важная гарантия социалистического правосудия и законных интересов обвиняемого» показывается значение судебного контроля и его преимущества по сравнению с обвинительной системой предания суду для охраны закон-

ных интересов обвиняемого. **Во второй главе** «О форме судебного контроля в стадии предания суду» на основе анализа данных статистики и судебной практики Ленинграда за последние 10 лет обосновывается целесообразность сохранения той формы судебного контроля, которая предусмотрена Основами уголовного судопроизводства 1958 г. **В третьей главе** «Пределы проверки законности и обоснованности обвинения в стадии предания суду» показана общая специфика проверки и оценки доказательств в этой стадии процесса, а также те пределы проверки законности и обоснованности обвинения применительно: 1) к преданию обвиняемого суду с изменением квалификации обвинения, 2) к направлению уголовных дел на дознание, 3) к прекращению уголовных дел в распорядительном заседании суда. **В четвертой главе** «Прокурор в стадии предания суду» показано процессуальное положение прокурора и сделаны некоторые предложения, направленные на расширение его прав в этой стадии процесса. **В пятой главе** «Защита в стадии предания суду» показаны причины, которые не способствуют своевременному заявлению ходатайств обвиняемым и его защитником в этой стадии процесса и предложены конкретные пути исправления этого ненормального положения¹.

Основное содержание диссертации отражено в следующих монографиях:

1. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе (стадия предварительного расследования), изд. ЛГУ, 1959, стр. 168. См. рецензии: «Правоведение», 1959, № 4, стр. 167—171; Вестник ЛГУ, 1959, № 23, стр. 152—154; Вестник МГУ, 1961, № 2, стр. 74—77; Вопросы криминалистики, № 6—7 (21—22), М., 1962, стр. 281—284; «Iogtudomany közlöny» (ВНР), 1960, № 9, стр. 486; «Soviet Studies» (Англия), 1960, № 1, р. 104—109.

2. Предание суду по советскому уголовно-процессуальному праву (в соавторстве с И. М. Гальпериным), М., изд. «Юридическая литература», 1965, 150 стр. См. рецензии: «Правоведение», 1965, № 4, стр. 159—162; Советская Юстиция, 1965, № 23, стр. 21—23; Советское государство и право, 1966, № 1, стр. 152—153; Социалистическая законность, 1966, № 12, стр. 85; «Państwo i prawo» (ПНР), 1966, № 7—8, стр. 156—158; Revue de science criminelle et droit penal compare (Франция), 1966, № 1, р. 182—184.

3. Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду, изд. ЛГУ, 1966, стр. 148. См. рецензии: «Правоведение», 1967,

¹ Подробнее об обеспечении законных интересов и прав обвиняемого в стадии предания суду см. В. З. Лукашевич, «Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду», изд. ЛГУ, 1966.

№ 2, стр. 118—122; Советское государство и право, 1967, № 9 стр. 150—151; Правна мисъл (БНР), 1967, № 2, стр. 110—112.

Отдельные положения диссертации отражены в следующих работах:

4. Принцип презумпции (предположения) невиновности обвиняемого — гарантия правосудия в советском уголовном процессе. Вестник ЛГУ, 1954, № 9 — 1,5 п. л.

5. К вопросу о привлечении к уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Ученые записки ЛГУ, № 187, вып. 6, 1955, 1,25 п. л.

6. Обоснованность обвинения и гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. Ученые записки ЛГУ, № 202, вып. 8, 1956, 2 п. л.

7. Должен ли оценивать суд доказательства в стадии предания суду (в соавторстве). «Правоведение», 1958, № 3, 1 п. л.

8. Защита в стадии предания суду. Ученые записки ЛГУ, № 255, вып. 10, 1958, 1 п. л.

9. Дальнейшее укрепление социалистической законности и охрана прав личности (в соавторстве). В сб. «Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР», М., 1959, 2 п. л.

10. О процессуальном порядке производства дознаний в советском уголовном процессе (в соавторстве). Вопросы кодификации, изд. ЛГУ, вып. III, 1960, 0,25 п. л.

11. Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве (в соавторстве). В сб. «Ленин о государстве и праве», изд. ЛГУ, 1961, 1,5 п. л.

12. Комментарии к ст. ст. 11—16, 46—52, 58, 143—154 УПК РСФСР. Комментарий к УПК РСФСР, 1960, изд. ЛГУ, 1962, 2 п. л.

13. Вопросы доказательственного права в свете нового уголовно-процессуального законодательства. Вестник ЛГУ, 1963, № 11, 1 п. л.

14. За дальнейшее укрепление социалистической законности в уголовном судопроизводстве (в соавторстве). В сб. «Вопросы государства и права», изд. ЛГУ, 1964, 1 п. л.

15. Некоторые процессуальные вопросы передачи на поруки (в соавторстве). Ученые записки ВЮЗИ, вып. XIV, М., 1964, 2 п. л.